
Малое
собрание
сочинений

Иван
КРЫЛОВ

Малое
собрание
сочинений

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Басни

КНИГА ПЕРВАЯ

I

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит,
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать — так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой, и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньяна с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло,
И на приветливы Лисицыны слова

Ворона каркнула во все воронье горло, —
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.
(1808)¹

II

ДУБ И ТРОСТЬ

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошел.
«Поистине, роптать ты вправе на природу, —
Сказал он, — воробей и тот тебе тяжел.
Чуть легкий ветерок подернет рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабеть
И так нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть.
Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеваясь и вихрям и грозам,
Стою и тверд и прям,
Как будто б огражден ненарушимым миром:
Тебе все бурей — мне все кажется зэфиром.
Хотя б уж ты в окружности росла,
Густою тению ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой;
Но вам в удел природа отвела
Брега бурливого Эолова владенья:
Конечно, нет совсем у ней о вас раденья». —
«Ты очень жалостлив, — сказала Трость в ответ, —
Однако не крушись: мне столько худа нет.
Не за себя я вихрей опасуюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Так бури мало мне вредят;
Едва ль не более тебе они грозят!

¹ Здесь и далее в этом разделе при отсутствии сведений о датах написания указаны даты первых публикаций (в угловых скобках): Крылов неоднократно перерабатывал тексты басен для новых дополненных изданий, окончательная композиция «в девяти книгах» сложилась в последнем прижизненном издании басен (1843).

То правда, что еще доселе их свирепость
Твою не одолела крепость
И от ударов их ты не склонял лица;
Но — подождем конца!»
Едва лишь это Трость сказала,
Вдруг мчится с северных сторон
И с градом и с дождем шумящий Аквилон.
Дуб держится — к земле Тростиночка припала.
Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел — и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался.
(1806)

III МУЗЫКАНТЫ

Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих слушать.
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня, — сказал он с удивленьем, —
Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!» —
«То правда, — отвечал хозяин с умиленьем, —
Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведением».

А я скажу: по мне, уж лучше пей,
Да дело разумей.
(1808)

IV

ВОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский Князь¹,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил, —
Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен Московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? —
Ей с возу Курица кричит. —
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат». —
«Мне что до этого за дело? —
Вещунья ей в ответ. — Я здесь останусь смело.
Вот ваши сестры — как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостями немудрено ужиться,
А может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей —
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься,
А как на деле с ним сочтешься —
Попался, как ворона в суп!

(1812)

¹ Этим титулом был пожалован в начале ноября 1812 г. М. И. Кутузов.

V

ЛАРЧИК

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где, стоит только догадаться,
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом;
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой,
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвется.
Потел, потел, но наконец устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался;
А Ларчик просто открывался.

1807

VI

ЛЯГУШКА И ВОЛ

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:

Она завистлива была.

И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что́, буду ль я с него?» —
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далеко!» —
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.

Ну, каково?

Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего». —
«Ну, как теперь?» — «Все то ж». Пыхтела да пыхтела,
И кончила моя затейница на том,

Что, не сравнявися с Волом,
С натуги лопнула и — околела.

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая — как знатный дворянин.
(1808)

VII

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА

Невеста-девушка смышляла жениха:

Тут нет еще греха,

Да вот что грех: она была спесива.

Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен,
И в лентах, и в чести, и молод был бы он
(Красавица была немножко прихотлива);
Ну, чтобы все имел. — Кто ж может все иметь?

Еще и то заметь,

Чтобы любить ее, а ревновать не сметь.
Хоть чудно, только так была она счастлива,

Что женихи, как на отбор,

Презнатные катили к ней на двор.

Но в выборе ее и вкус и мысли тонки:
Такие женихи другим невестам клад,

А ей они на взгляд
Не женихи, а женишонки!
Ну как ей выбрать из этих женихов?
Тот не в чинах, другой без орденов;
А тот бы и в чинах, да, жаль, карманы пусты;
То нос широк, то брови густы;
Тут этак, там не так;
Ну, не придет никто по мысли ей никак.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другие новых свах заслали,
Да только женихи средней уж руки.
«Какие простаки! —
Твердит красавица. — По них ли я невеста?
Ну, право, их затеи не у места!
И не таких я женихов
С двора с поклоном проводила;
Пойду ль я за кого из этих чудаков?
Как будто б я себя замужством торопила;
Мне жизнь девическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
Так замуж кинуться ничуть мне не пристойно».
Толпа и эта уплыла.
Потом, отказы слыша те же,
Уж стали женихи наворачиваться реже.
Проходит год —
Никто нейдет;
Еще минул годок, еще уплыл год целой —
К ней свах никто не шлет.
Вот наша девушка уж стала девой зрелой.
Зачнет считать своих подруг
(А ей считать большой досуг):
Та замужем давно, другую сговорили;
Ее как будто позабыли.
Закралась грусть в красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что-нибудь
Из прелестей ее лихое время крало.
Сперва румянца нет; там живости в глазах;
Умильны ямочки пропали на щеках;

Веселость, резвости как будто ускользнули;
Там волоска два-три седые проглянули:

Беда со всех сторон!

Бывало, без нее собранье не прелестно;
От пленников ее вокруг ней бывало тесно;
А ныне, ах! ее зовут уж на бостон!
Вот тут спесивица переменяет тон.

Рассудок ей велит замужством торопиться:

Перестает она гордиться.

Как косо на мужчин девица ни глядит,
А сердце ей за нас всегда свое твердит.

Чтоб в одиночестве не кончить веку,

Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла.

И рада, рада уж была,

Что вышла за калеку.

(1806)

VIII

ПАРНАС

Когда из Греции вон выгнали богов
И по мирянам их делить поместья стали,
Кому-то и Парнас тогда отмежевали;
Хозяин новый стал пасти на нем Ослов.

Ослы, не знаю как-то, знали,

Что прежде Музы тут живали,

И говорят: «Недаром нас

Пригнали на Парнас:

Знать, Музы свету надоели,

И хочет он, чтоб мы здесь пели». —

«Смотрите же, — кричит один, — не унывай!

Я затаю, а вы не отставай!

Друзья, робеть не надо!

Прославим наше стадо

И громче девяти сестер
Подыдем музыку и свой составим хор!
А чтобы нашего не сбили с толку братства,
То заведем такой порядок мы у нас:
Коль нет в чьем голосе ослиного приятства,
 Не принимать тех на Парнас».
 Одобрили Ослы Ослово
 Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хор певцов такую дичь занес,
 Как будто тронулся обоз,
В котором тысяча немазанных колес.
Но чем окончилось разно-красиво пенье?
 Хозяин, потеряв терпенье,
 Их всех загнал с Парнаса в хлев.

—
Мне хочется, невеждам не во гнев,
Весьма старинное напомнить мнеье:
 Что если голова пуста,
То голове ума не придадут места.

(1808)

IX ОРАКУЛ

В каком-то капище был деревянный бог,
И стал он говорить пророчески ответы
 И мудрые давать советы.
 За то, от головы до ног
 Обвешан и серебром и золотом,
 Стоял в наряде пребогатом,
Завален жертвами, мольбами заглушён
 И фимиамом задушён.
 В Оракула все верят слепо;
 Как вдруг — о чудо, о позор!
 Заговорил Оракул вздор:
Стал отвечать нескладно и нелепо;

И кто к нему за чем ни подойдет,
Оракул наш что молвит, то соврет;
Ну так, что всякий дивовался,
Куда пророческий в нем дар девался!
А дело в том,
Что идол был пустой и саживались в нем
Жрецы вещать мирянам.
И так,
Пока был умный жрец, кумир не путал врак;
А как засел в него дурак,
То идол стал болван болваном.

Я слышал — правда ль? — будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

1807

Х ВАСИЛЕК

В глуши расцветший Василек
Вдруг захирел, завял почти до половины
И, голову склоня на стебелек,
Уныло ждал своей кончины;
Зефиру между тем он жалобно шептал:
«Ах, если бы скорее день настал
И солнце красное поля здесь осветило,
Быть может, и меня оно бы оживило?» —
«Уж как ты прост, мой друг! —
Ему сказал, вблизи копаясь, жук. —
Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотреть, как ты растешь,
И вянешь ты или цветешь?
Поверь, что у него ни время, ни охоты

На это нет.
Когда бы ты летал, как я, да знал бы свет,
То видел бы, что здесь луга, поля и нивы
Им только и живут, им только и счастливы:
 Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согревает
 И удивительною красотой
Цветы душистые богато убирает;
 Да только те цветы
 Совсем не то, что ты:
 Они такой цены и красоты,
Что само время их, жалея, косит;
 А ты ни пышен, ни пахуч:
Так солнца ты своей доукою не мучь!
Поверь, что на тебя оно луча не бросит,
И добиваться ты пустого перестань,
 Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу осветило,
По царству Флорину рассыпало лучи,
И бедный Василек, завянувший в ночи,
 Небесным взором оживило.

О вы, кому в удел судьбою дан
 Высокий сан!
Вы с солнца моего пример себе берите!¹
 Смотрите:
Куда лишь луч его достанет, там оно
Былинке ль, кедру ли — благотворит равно,
И радость по себе и счастье оставляет;
Зато и вид его горит во всех сердцах,
 Как чистый луч в восточных хрусталиях,
 И всё его благословляет.

1823

¹ В 1823 г. Крылова разбил паралич. Вдовствующая императрица Мария Федоровна пригласила его к себе в Павловск, чтобы он мог поправить здоровье.

XI
РОЩА И ОГОНЬ

С разбором выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроет,
Она тебе лишь яму роет.
Чтоб эту истину понять еще ясней,
Послушай басенки моей.

Зимою Огонек под Рощей тлился;
Как видно, тут он был дорожными забыт.
Час от часу Огонь слабее становился;
Дров новых нет; Огонь мой чуть горит
И, видя свой конец, так Роще говорит:
«Скажи мне, Роща дорогая!
За что твоя так участь жестока,
Что на тебе не видно ни листка
И мерзнешь ты совсем нагая?» —
«Затем, что вся в снегу,
Зимой ни зеленеть, ни цвести я не могу», —
Огню так Роща отвечает.
«Безделица! — Огонь ей продолжает. —
Лишь подружись со мной; тебе я помогу,
Я Солнцев брат и зимнею порою
Чудес не меньше Солнца строю.
Спроси в теплицах об Огне:
Зимой, когда кругом и снег и вьюга веет,
Там все или цветет, иль зреет,
А всё за всё спасибо мне.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю,
Но Солнцу в силе я никак не уступлю.
Как здесь оно спесиво ни блистало,
Но без вреда снегам спустилось на ночлег;
А около меня, смотри, как тает снег.
Так если зеленеть желаешь ты зимою,
Как летом и весною,